

An illustration of a woman with long brown hair, seen from behind, wearing a blue hoodie and dark pants. She is standing in a vast, flat, yellow landscape under a blue sky with scattered white clouds. In the bottom left corner, there is a small, stylized illustration of a laptop or tablet. The overall style is that of a comic book or graphic novel.

Ольга Новикова

**Похождения
копирайтера**

Ольга Новикова

Похождения копирайтера

«Автор»

2020

Новикова О.

Похождения копирайтера / О. Новикова — «Автор», 2020

И пусть официально копирайтер — это создатель рекламных текстов, но, поверьте, могут быть варианты. Обложка создана при помощи нейросети "Шедеврум".

© Новикова О., 2020

© Автор, 2020

Ольга Новикова

Похождения копирайтера

Пролог

"Автор считает нужным предупредить, что в "Воспоминаниях" этих не найдет читатель ни прославленных героических фигур описываемой эпохи с их глубокой значимости фразами, ни разоблачений той или иной политической линии... Если приходится говорить автору о себе, то это не потому, что он считает свою персону для читателя интересной, а только потому, что сам участвовал в описываемых приключениях и сам переживал впечатления и от людей, и от событий..."

Надежда Тэффи "Воспоминания".

Глава 1

У ч и т е л ь: – Дети, запишите предложение:

"Рыба сидела на дереве".

У ч е н и к: – А разве рыбы сидят на деревьях?

У ч и т е л ь: – Ну... Это была сумасшедшая рыба..."

Братья Стругацкие "Понедельник начинается в субботу".

Пожалуй, мой путь отечественного копирайтера начался с мамы. Вернее, с маминой дальновидности, когда она поняла, что ее девятимесячную дочь (то есть меня) могут унять только журналы и газеты. С того дня, когда мама бросила мне в манеж, где я тщетно пыталась ходить, старую подписку "Науки и жизни", мамина жизнь превратилась в "почти рай". Я самозабвенно листала и рвала, рвала и листала журнальные страницы, пока не научилась читать. До этого я только запоминала тексты, чем неприятно поражала воспитателей в детском саду и наводила на противоречивые подозрения. Например, когда мне в четыре года дали выучить стихотворение С. Есенина "Белая береза", я не только выучила, но и без запинки прочитала его на детском утреннике, вызвав скандал между воспитателями и родителями.

– Да, она подглядывала! – кричали одни.

– Так нечестно, наши дети тоже имеют право на шпаргалки! – возмущались другие.

Когда мама безмятежно вплыла в зал, где рядом со мной, жующей яблоко и рассматривающей чей-то журнал, ссорились раздраженные взрослые, то сразу бросилась на амбразуру:

– Как она могла подглядывать?! Она же читать не умеет! Вот, убедитесь!

Все, кто должен был убедиться, нехотя взглянули в мою сторону, где я аккуратно вырвала из журнала листы с текстом, безразлично складывая их в стопку, но с интересом и умилением разглядывала картинки...

Мамину логику приняли, успокоились, отобрали у меня остатки журнала и разошлись. А мы с мамой молча пошли домой: она с мыслями о том, что приготовить на ужин, я – с только что зародившимся чувством вины.

Тогда мне стало ясно, что надо учиться читать.

И годам к шести я таки научилась...

Это умение мне здорово пригодилось, когда моим родителям (это было в тысяча девятьсот... году) вздумалось на лето отправить меня в детский пионерский лагерь. Отдать в такое заведение с непререкаемой репутацией еще даже не октябрёнка и не школьницу (в школу я должна была пойти только осенью) было в то время весьма непросто.

Помогли связи: бабушка – завхоз с многолетним стажем. На ней и только на ней держалось все лагерное хозяйство. Договорившись с кем надо, бабуля записала меня в смешанную группу восьмилеток. То есть, где меня еще не должно быть примерно года два. Так в шесть с половиной лет я стала блатной в подмосковном советском лагере под названием – пусть будет "Юный строитель".

Мои привилегии спасали от нескольких вещей: тихого часа, от занятий в рисовальных, вязальных и паяльных кружках, но от лагерной еды не спасала даже бабушка. За две с половиной недели, которые я провела в этом инкубаторе, где все ходят строем, встают в семь утра на зарядку и едят на завтрак манную кашу, я пыталась сбежать два раза. Но лагерь, как средневековый замок, был окружен непроходимым лесом... поэтому мне удавалось только добежать до ограды и спрятаться в кустах часа на два. Я брала воспитателей измором.

Попытки оказались безрезультатны: мне разрешили читать по ночам (под грифом "Совершенно секретно" для заведующей) и вернули книги и карманный фонарик.

В то время я читала под одеялом детскую фантастику. Кир Булычев и Александр Беляев стали моими проводниками в иные миры, в которых я попеременно находилась все время, пока была под лагерным надзором.

Однажды в нашу шумную обитель наведалься комиссия из Москвы, и мы – пионеры и октябрёта – должны были подготовить концерт для наших Больших советских братьев. Мне дали учить стихи об Октябре, Партии и Ленине.

Наотрез и со слезами отказавшись, я спряталась в чулане с инвентарем, Кириллом Булычевым и его Алисой. После долгих поисков позвали бабушку, предварительно и с уважением выдвинув ей ультиматум: "Или ОНА, или МЫ!". Бабуля с чутьем Вольфа Мессинга без труда вычислила мое место дислокации и очень педагогично – по Макаренко и Песталоцци, коих вряд ли когда читала, пригрозила мне публичной поркой:

"Если сейчас же не выйду!"

В похоронной тишине, после слов грозной бабушки, я покинула укрытие и поплелась учить стихи про Ленина и Партию.

На следующее утро я сорвала концерт. Так случилось, поскольку на бис (кстати, мама там тоже была) меня вызывали три раза. Почувствовав свою безнаказанность, в третий раз я прочитала кое-что из своего репертуара: пушкинское и есенинское. Меня увели за кулисы и больше декламировать никогда ничего не давали.

Через несколько дней начались дожди, и я загремела в лазарет. Так в лагере называлась больница. И неслучайно, поскольку все там напоминало военный госпиталь. Больные октябрёта и пионеры лежали на узких койках с перевязанными шеями и руками, потому, что из медикаментов в лазаретной аптечке были только бинты, зеленка и йод... У меня же ныли уши и голова, и я тоже оказалась на больничной койке и была похожа на Щорса из эпической песни, почти визуализируя строки: "Голова обвязана, кровь на рукаве". Рядом с девочкой из старшей

группы, которой уже исполнилось двенадцать с половиной. Она считала себя очень взрослой и разбирающейся в вопросах физиологии, в чем мне было разбираться ещё рано. Соседство оказалось роковым: новая знакомая всю ночь в красках рассказывала мне (неуравновешенному ребенку с неустойчивой психикой) "страшные" сильно эротические истории про ЭТО. При том она так брызгала слюной и закатывала глаза, что я решила, что передо мной будущая актриса. Ночью мне снились постэротические кошмары. А утром моя соседка выписалась, оставив меня наедине с первыми сильными впечатлениями и потрясениями из жизни взрослых. Спасение опять пришло от Булычева... Если бы не его фантастика, мое пребывание в лагере неминуемо закончилось походом к психологу.

Глава 2

"Творческих профессий вообще надо избегать. Не можешь избежать, тогда другой вопрос. Тогда выхода нет. Значит, не ты ее выбрал, а она тебя..."

Сергей Довлатов "Наши".

В восемь лет мне порядком надоело просто читать, и я начала творить. Творчеством это было назвать трудно, скорее – имитацией текстов, подражанием чужому. Но делала я это хитро и с энтузиазмом, причем, развивая проявившиеся способности, как в речи, так и на бумаге. Постоянно что-то сочиняла. Как-то раз, прочитав сказку про войну зверей и птиц, я сделала глубокомысленный рерайт и сочинила авторский "фольклор" под названием "Война грибов и ягод". Моим слушателям: маме, папе, сестренке и бабушке лесной опус понравился. Кризис творчества начался сразу же после восторженной критики. Продолжился он лет до девяти. Как раз в то время меня обязали написать стихотворение для школьного плаката. Эти двенадцать четверостиший (также, как в детсадовский период) вызвали массу подозрений у дизайнеров и редактора плаката (моих подружек-одноклассниц), которые накануне сдачи проекта извели весь месячный запас акварели, гуаши и кисточек на креативный дизайн и кота Рыжика, пере-красив последнего в небесно-голубой оттенок. В общем, даже после этих жертв, они отказались подписывать мое имя под новогодним стихотворением, усмотрев в нем плагиат. Такой удар не прошел бесследно. Поэтому, когда на уроке литературы нам было задано написать басню, я не сумела прочитать ее перед всем классом. Вместо этого я разревелась и убежала в туалет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.